

№122 (131)
март-май 2026

Издаётся с января 2006 года

ВЕСТНИК АНТОНИЕВСКОГО ХРАМА

КУЛЬТУРНО-ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ ХРАМА ВО ИМЯ СВЯТИТЕЛЯ АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО)

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННОЙШЕГО ЛЕОНТИЯ МИТРОПОЛИТА ВОРОНЕЖСКОГО И ЛИСКИНСКОГО
ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД. ЭЛЕКТРОННАЯ ВЕРСИЯ ИЗДАНИЯ ДОСТУПНА ПО АДРЕСУ: www.snt-antoniush.ru

ДАРУЙ СКОРЬЮ И СЛАВНЮЮ ПОБЕДУ

Христос воскрес! Слава Богу – Христос воскрес из мертвых! Солнце Правды, временно как бы погасшее и сокровенное во гробе, снова воссияло и озарило весь мир радостными животворными лучами. Прошедшие дни Страстей Христовых наводили на нас сильную скорбь, а у некоторых вызывали и слёзы – или сострадание к Страждущему за нас, или слёзы покаяния во грехах наших, причинивших такие страдания Господу нашему, понесшему на Себе все наши наказания за грехи. А ныне в день Воскресения общая радость озарила сердца и лица всех верующих, ибо из гроба снова воссияла Жизнь наша, дарующая

всем прощение грехов и надежду воскресения и жизни вечной, ибо *Христос возстал из мертвых, начаток умершим бысть* [1Кор. 15,20].

Где злоба и зависть книжников и фарисеев, где издевательства первосвященников иудейских? Где печати гроба Христова? Всё исчезло, всё изменилось с Воскресением Христа: враги посрамились; все козни их послужили только к большей славе Распятого и Воскресшего. И что главнее всего – ко спасению всего мира.

Продолжение на стр. 2

Все страхи апостолов и всех верных исчезли с восстанием Христа из гроба; самая смерть, это страшное лицо всех земнородных, побеждена; ад посмеянный разрушен; привратники ада, сторожившие вечную темницу, рассеялись от страха. Воскресший овладел ключами ада и смерти, восхитив их от сатаны, *имевшего державу смерти [Евр.2,14]*, и царствует вечно на Небе и на земле.

Смотрите и восхищайтесь видом Воскресшего, в каком описывает Его возлюбленный ученик Его, к которому Он явился на острове Патмосе: *Я был в духе в день воскресный, и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний; то, что видишь, напиши в книгу и пошли церквам. Я обратился, чтобы увидеть, чей голос, говоривший со мною: и обратившись, увидел семь золотых светильников и посреди семи светильников подобного Сыну Человеческому... Он держал в деснице Своей семь звезд, и из уст Его выходил острый меч с обеих сторон, и лицо Его как солнце, сияющее в силе Своей, и когда я увидел Его, то пал к ногам Его, как мертвый. И Он положил на меня десницу Свою, и сказал мне: не бойся; Я есмь Первый и Последний и Живый; и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти [Апок.1, 10-13;16-18].*

Видите, братия и сестры, чем завершились все скорби, страдания и смерть Христа, Господа нашего! Славным Воскресением Его из мертвых, властью Его над адом и смертью – значит, полным поражением ада и его злобы и торжеством правды и вечной жизни.

Я есмь Первый и Последний, и Живый, и был мертв, и се, жив во веки веков, аминь; и имею ключи ада и смерти [Апок.1,17], т.е. Я вывел и выведу всех верующих в Меня из ада и введу в отверстый Мною Крестом Рай. – Слава Тебе, Победитель смерти; слава Тебе, Податель жизни и бессмертия; слава Тебе, отверзшему Рай; слава Тебе, разрушившему преграду между Творцом и тварью.

Радуйтесь земнородные, радуйтесь верные рабы Христовы! Поникните долу все безбожники, все отвергнувшие Христа и Церкви Его. Вся ваша надежда на жизнь потеряна с вашим отпадением от Него. Всё ваше неверие, всё кичение и гордость ваша посрамлены, все ваши нелепые слова и дела обращены в безумие и в наказание вам самим...

По всей земле величается Христос, Его Благодать, Его Правда и Истина, Его вечное Евангелие, Его Воскресение и Его вечное Царство. Плещите руками от радости, все верные Христу. Примите посрамление, все неверные и отпадшие. Так наконец будет совершенно побеждена всякая неправда земная и настанет конец её; исчезнет смерть, восторжествует правда, и воцарится вечная жизнь. *Я есмь Первый и Последний*, то есть Мною всё существующее получило бытие: *вся Тем быша [Ин.1,3]*; Мною будет положен и конец видимому миру: *небо и земля прейдут [Мф.24,35]*; *видимое временно*, говорит апостол, *невидимое вечно [2Кор.4,18]*. *Я был мертв и се, жив во веки веков, аминь. И имею ключи ада и смерти*, то есть ради вас Я вкусил смерть, чтобы победить её – и победил. И вот, Я жив во веки веков, и вы будете живы во веки веков, и это несомненно. Пусть рабы греха и тления сомневаются в Моём и своём будущем воскресении; но оно совершится на радость верующим и любящим Меня – и на вечную муку грешникам, отвергшимся Меня.

Господи, Победитель смерти и ада, даруй скорую и славную победу воинству нашему Христолюбивому на врагов креста Твоего и возвесели сердца верных Твоих рабов, удрученных тяготами военными и торжеством врагов наших бесчисленных, внешних и внутренних, чужих и своих, и загради уста неверию и глумлению. Аминь!

Прав. Иоанн Кронштадтский

ПСАЛОМ ТРЕТИЙ

*Господь, зачем умножились мои враги?
Как много в злобе на меня восстать готовых,
Кто верит: не спастись мне, и пророчит адовы круги.
Но Бог мой – Ты мне щит, хотя пути Твои суровы.
Господь возносит к небу голову мою,
Зову – и Он, с Горы Святой, мой голос слышит...
Встаю – и Бог всегда хранит меня в бою,
Со мною вместе Он сражается и дышит.
Не убоюсь народов, что живут окрест меня.
Со всех сторон мой дом они с угрозой обступили...
Восстань, Господь! Спаси, дай сил и Твоего огня!
Рази без страха нечестивых – всех рази,
что есть и были!
Со Господом идём, лишь в Нём спасенье.
И тем, кто верил до конца – Его Благословенье!*

Переложение Юрия Ключникова

СЛАВА БОГУ!

Земля – страна плача; Небо – страна веселия. Небесное веселие вырастает от семян, посеяемых на земле. Эти семена: молитва и слёзы.

«Слава Богу!» – могущественные слова! Во время скорбных обстоятельств, когда обступят, окружают сердце помыслы сомнения, малодушия, неудовольствия, ропота, должно принудить себя к частому, неспешному, внимательному повторению слов: «Слава Богу!». Кто с простотою сердца поверит предлагаемому здесь совету и при встретившейся нужде, испытает его самым делом, тот узрит чудную силу славословия Бога; тот возрадуется о приобретении столь полезного, нового знания, возрадуется о приобретении оружия против мысленных врагов, такого сильного и удобного.

Свт. Игнатий (Брянчанинов)

САД ВО ВРЕМЯ ЗИМЫ

Степан Нестерчук. «Весна. Николо-Пешношский монастырь» (2016 г.)

В 1829-м году проводил я зиму в Площанской Пустыни. И поныне там в саду стоит уединённая деревянная келлия, в которой я жил с моим товарищем. В тихую погоду, в солнечные ясные дни выходил я на крыльцо, садился на скамейку, смотрел на обширный сад. Нагота его покрывалась снежным покрывалом; кругом всё тихо, какой-то мёртвый и величественный покой. Это зрелище начало мне нравиться: задумчивые взоры невольно устремлялись, приковывались к нему, как бы высматривая в нём тайну.

Однажды сидел я и глядел пристально на сад. Внезапно упала завеса с очей души моей: пред ними открылась книга природы. Это – книга, данная для чтения первозданному Адаму, книга, содержащая в себе слова Духа, подобно Божественному Писанию.

Какое же учение прочитал я в саду? Учение о воскресении мёртвых, учение сильное, учение изображением действия, подобного воскресению. Если б мы не привыкли видеть оживление природы весной, то оно показалось бы нам вполне чудесным, невероятным. Не удивляемся от привычки; видя чудо, уже как бы не видим его! Гляжу на обнажённые сучья деревьев, и они с убедительностью говорят мне своим таинственным языком: «Мы оживём, покроемся листьями, заблагоухаем, украсимся цветами и плодами: неужели же не оживут сухие кости человеческие во время весны своей?» Они оживут, облекутся плотью; в новом виде вступят в новую жизнь и в новый мир. Как древа, не выдержавшие лютости мороза, утратившие

сок жизненный, при наступлении весны посекаются, выносятся из сада для топлива, так и грешники, утратившие жизнь свою – Бога, будут собраны в последний день этого века, в начатке будущего вечного дня, и ввергнуты в огонь неугасающий.

Если б можно было найти человека, который бы не знал превращений, производимых переменах времён года; если б привести этого странника в сад, величественно покоящийся во время зимы сном смертным, показать ему обнажённые деревья и повеждать о той роскоши, в которую они облекутся весной, то он вместо ответа посмотрел бы на вас и улыбнулся – такую несбыточную басню показали бы ему слова ваши! Так и воскресение мёртвых кажется невероятным для мудрецов, блуждающих во мраке земной мудрости, не познавших, что Бог всемогущ, что многообразная Премудрость Его может быть созерцаема, но не постигаема умом созданий. Богу всё возможно, чудес нет для Него. Слабо помышление человека: чего мы не привыкли видеть, то представляется нам делом несбыточным, чудом невероятным. Дела Божии, на которые постоянно и уже равнодушно смотрим, – дела дивные, чудеса великие, непостижимые.

И ежегодно повторяет природа пред глазами всего человечества учение о воскресении мёртвых, живописуя его прообразовательным, таинственным действием!

Свт. Игнатий (Брянчанинов)
1843 год, Сергиева Пустыня

ЧАСОВНЯ

*Шрама нет, но болит, как рана,
как умеет душа болеть:
не застал я на взгорье храма,
мне к часовне хотя б успеть.
Чтоб орлицей над ней Россия
распростёрла свои крыла,
чтоб соседка моя, Мария,
с ребятишками к ней пришла.
Чтобы немощь и блажь отпели
и на сельский погост снесли.
Чтоб слова, что сберечь сумели,
до остывших сердец дошли.
Исполинам она не ровня:
тех – дыханием – греть да греть...
Мне бы, грешному, в той часовне
покаянной свечой гореть.*

Фёдор Григорьев

Сергей Трошин. «Звонарь»

ХРАНИТЬ ТРАДИЦИИ И РАЗВИВАТЬСЯ

14 марта отмечается День православной книги. Дата праздника выбрана неслучайно – именно в этот календарный день (1 марта по ст.ст.) в 1564 году увидело свет первое в нашей стране официальное русское печатное издание – книга «Апостол».

Если быть абсолютно точным, то «Апостол» в печатном деле на Руси является не первопроходцем. Немец Иоганн Гуттенберг изобрёл предтечу типографского станка лет за сто до появления русской печатной книги, но у нас долгое время о западном прорыве только слышали, отечественная же печатная продукция появилась в русских пределах лишь в середине XVI века. Но это был не знаменитый «Апостол», а три Евангелия, Триодь и две Псалтыри. Однако те книги делались анонимно, без указания издателя. Что же касается первой официальной книги, вышедшей из-под печатного станка и на государственном уровне, то дело это начал Великий князь Иван Васильевич IV, прозванный в народе Грозным. Сначала царь повелел скупать на торгах святые книги и сосредотачивать их в храмах. Но выяснилось, что среди приобретённых экземпляров пригодных было немного: на поверку они оказались испорчены недобросовестными, а то и просто невежественными переписчиками. После очередного подобного казуса самодержец задумался о налаживании в Русском царстве своего

печатного дела, которое бы оградило святые книги от исправлений и неточностей при переписке. Чтобы избежать ошибок и отступления от церковных норм, в Стоглаве 1551 года опубликовали чёткие правила для работы «списателей» священных текстов. Через два года Иван Грозный повелел за государственный счёт построить на Никольской улице в Москве Печатный двор с несколькими зданиями. До нашего времени от того комплекса сохранилась самая старая постройка – «правильная». По-нашему – корректорская.

Исполнять царский приказ «изыскать мастерство печатных книг» подрядился дьякон Кремлёвского храма во имя Николы Гостунского Иван Фёдоров. Для своей эпохи он был широко образованным человеком, знал греческий и латынь, литейное дело, умел переплетать книги.

Для печати первого издания взял часть Нового Завета – «Деяния и послания апостолов», написанные евангелистом Лукой. Эту книгу на Руси широко использовали на богослужениях, при подготовке священников и для обучения грамоте в церковно-приходских школах. Готовились тщательно. Для небывалого прежде начинали Ивану Фёдорову понадобились помощники, постепенно создавалась группа первых русских мастеров-печатников, «правой рукой» Фёдорова стал Пётр Мстиславец. Мастера учились набирать

текст, делали формы для каждой буквы, отливали всё новые и новые свинцовые литеры разных шрифтов, вырезали деревянные орнаменты для украшения глав. За процессом подготовки следил лично царь Иван Васильевич.

С особым вниманием митрополит Макарий и Иван Фёдоров отбирали первоисточник. Святые обители присылали им варианты рукописных «Апостолов». Тексты с разночтениями требовали проработки, и на Печатном дворе открыли «справную палату», где готовили конкретный образец для печати.

Так рождался «Апостол» – книга во многих отношениях уникальная, настоящее произведение искусства книгоиздания. Изумительного качества, с тщательной

выверенной грамматикой и правильной расстановкой слов. В ней были впервые применены пробелы между слов. Считается, что за последующие четыреста с лишним лет только этот экземпляр не содержит ни одной ошибки – ни технической, ни корректорской. Текст был красиво оформлен гравюрами и узорами, что делало книгу не только настоящим произведением искусства. Это издание положило начало книгопечатанию и сыграло огромную роль в распространении Православной веры и культуры.

Первая печатная книга на Руси появилась не вдруг. Этому явлению способствовал внушительный по времени культурный пласт давних традиций по созданию книг рукописных. Процесс их изготовления был весьма трудоёмким. Материалом для страниц служил пергамент, имевший замечательное свойство – его можно было использовать многократно. Инструментом для письма являлось перо. С XI и по XIV век пользовались гусиными перьями и чернилами разных оттенков, которые получали на основе железа, называемого нашими предками «чернильное гнездо», а сами растворы наводили на основе ржавых замков, цепей, гвоздей и прочего металлического лома.

Корешок книжной тетради прошивался верёвками, концы которых прикреплялись к деревянным доскам, внешняя же сторона доски покрывалась кожей, бархатом или тканью. Металлические «угольники» на деревянных «крышках» защищали такой переплёт от порчи. В особых случаях изготавливался ещё и золотой или серебряный оклад, который, бывало, украшался драгоценными камнями. А чтобы книга не теряла форму, применяли застёжки, скреплявшие противоположные стороны переплёта.

История возникновения рукописных книг на Руси начинается как минимум с 863 года, когда была изобретена славянская азбука. Именно в то «лето» для выполнения великой миссии славянского просвещения выбор константинопольского патриарха пал на служивших при Царьградском дворе двух братьев, Кирилла и Мефодия.

Правда, часть исследователей не без основания полагает,

Первая книга Апостол (разворот)

что древнерусский алфавит имеет более раннее происхождение, а солунские братья Кирилл и Мефодий лишь упорядочили и систематизировали его. Может быть и так. Абсолютно точно, что нет вразумительного ответа на вопрос, почему «неграмотная» Русь в одночасье вдруг феноменально расцвела в книжной премудрости и оказалась впереди всей Европы. Да и найденная запись новгородского священника Упыря Лихого о том, что в 1047 году он переписал глаголическую рукопись, подтверждает, что рукописные книги на русских землях имели давние традиции.

На день нынешний первой рукописной кириллической книгой считается подлинный шедевр книжного дела Древней Руси – Остромирово Евангелие, созданное в мае 1057 года дьяком Григорием для новгородского посадника Остромира. По праву имя дьяка Григория стоит одним из первых в ряду русских книжников и создателей великих рукописных произведений, являющихся достоянием мировой культуры.

Вторая точно датированная древнерусская книга, причём одна из самых больших по объёму – Изборник Святослава 1073 года, высокохудожественный памятник книжного искусства, созданный двумя писцами. Пока известно, увы, лишь одно имя – дьяк Иоанн. Оригинал Изборника Святослава считается болгарский сборник, переведённый с греческого языка при болгарском царе Симеоне. Изборник Святослава – настоящая древнерусская энциклопедия. Здесь обсуждаются вопросы христианского богословия, разъясняются некоторые положения

Священного Писания применительно к разным событиям жизни, содержатся различные сведения по астрономии, математике, зоологии, ботанике, философии, истории, грамматике и логике.

Третья точно датированная древнерусская рукопись – Изборник 1076 года, где содержатся сведения, отражающие древнерусский быт.

Рукописные книги XI века свидетельствуют, что в Древней Руси была чрезвычайно развита деятельность книгописных монастырских мастерских. И работали в них весьма искусные писцы и художники. Но самое важное то, что книги стали одним из источников нравственного воспитания древнерусского общества и неотъемлемой частью его бытия. Через книгу шло приобщение к духовным основам и расширялось влияние христианской проповеди. С тех пор православное книгоиздательство активно развивалось, до нашего времени сохранилось множество уникальных изданий, представляющих большую культурную ценность.

И сегодня, когда в России идёт восстановление базовых государственных и общественных норм и как никогда остро стоит вопрос воспитания и утверждения духовно-нравственных основ народа, православная книга имеет огромное значение. Причём речь не только о православной книге в её узком понимании, но и о литературе художественной – великой русской литературе, которая напоминает нам о богатстве нашей культуры, помогает человеку хранить традиции и развиваться как личность.

БЛАГОДАТНОЕ НЕБО

Чудотворная икона Божией Матери «Благодатное Небо» изображает Богородицу не такой, какой Она являлась в своём земном бытии или чудесных знамениях, но представляет Пречистую такой, какой Она явится в конце света. «Благодатное Небо» – в буквальном смысле слова икона последних времён. Это апокалиптическая Богоматерь. В этом её тайна. Образ относится к акафистным иконам и является достаточно редким и необычным. Основным смыслом таких икон является прославление Божией Матери.

В иконостасе Московского Архангельского собора Кремля по левую сторону от царских врат находится икона «Благодатное Небо». На ней Царица Небесная держит на руках Предвечного Младенца, Пречистая представлена в полный рост в окружении яркой красно-золотой мандорлы (сияющего нимба овальной формы) с исходящими от неё лучами. Этот образ имеет также наименование «Что Тя наречем?», которое происходит из текста Богородичной молитвы первого часа – особого песнопения в честь Божией Матери, входящего в состав службы первого часа в Православном богослужении. Эти слова начертаны по краю сияния, исходящего от Божией Матери: «Что Тя наречем, о Благодатная? Небо, яко воссияла еси Солнце Правды; Рай, яко прозябла еси Цвет нетления; Деву, яко пребыла еси нетленна; Чистую Матерь, яко имела еси на святых Твоих объятиях Сына, всех Бога. Того моли спастися душам нашим». Икона, где изображена Матерь Божия, стоящая на Небе с Богомладенцем на руках внутри сияющего солнечного круга, имеет глубокий мистический смысл. В досинодальный период икону называли «Солнечной Богоматерью». Это название сохранилось и сегодня в старообрядческой среде.

Иконографическое изображение Пресвятой Богородицы, под ногами Которой первоначально был изображён лунный серп, иллюстрирует слова апокалипсического Откровения Иоанна Богослова: «И явилось на Небе великое знамение: жена, облеченная в солнце; под ногами Её луна, и на главе Её венец из двенадцати звёзд... И родила она Младенца мужского пола, Которому надлежит пасти все народы жезлом железным; и восхীщено было Дитя Её к Богу и Престолу Его» [Откр. 12; 1,5]. Жена в данном случае трактуется богословами и как олицетворение Церкви Христовой, и как символ Богородицы, одно не исключает другое. Святой Димитрий Ростовский видел в этом образе Богородицу, молящуюся за весь мир:

«В последняя лютая времена, егда умножившимся грехом нашим умножася беды на ны... тогда Пречистая и Препоблагословенная Дева Мария, Мати Господня, подает нам Покров Свой и защищение». Андрей Кесарийский, ссылаясь на Мефодия Патарского, объяснял образ «Жены, облеченной в солнце» в Апокалипсисе так: солнце – свет Христа, луна – таинство Крещения, венец из звёзд – апостольские догматы. Епископ Александр (Милеант) считал, что солнечное сияние – это нравственное совершенство святых, а двенадцать звёзд – христианские народы. На Руси икона Божией Матери «Благодатное Небо» имеет символическое значение, связанное с историческим контекстом её появления.

Когда образ стал известен, уже возникла идея о Москве как «Третьем Риме». Икона стала важным символом, подчёркивающим преемственность России в деле святой Православной веры.

Существует предание, что этот образ находился ранее в Смоленске и в XIV веке был перевезён в Москву Софией, дочерью литовского князя Витовта, когда она стала супругой Московского князя Василия I Дмитриевича (1389-1425). Вместе с ней, как свидетельствует Троицкая летопись 1398 года, прибыли и другие древние иконы из Константинополя.

Начало широкого почитания иконы связывают с именем митрополита Филарета (Дроздова), который в 1853 году, в период поновления иконостаса Архангельского собора Кремля, распорядился собрать исторические сведения об этом чудотворном образе. В не сохранившейся описи Архангельского собора XVII века указывалось, что образ является списком с находившейся в соборе древней иконы, и этот список сделан был мастерами Оружейной палаты по указу царя Фёдора Алексеевича.

Пребывающий в настоящее время в местном ряду иконостаса Архангельского собора образ «Благодатное Небо» был исполнен царскими иконописцами при создании нового иконостаса в 1678-1680 годах. Икона была помещена в серебряный чеканный оклад с надписанием текста Богородична. В 1812 году собор разграбили французы, оклад исчез; он был заменён новым в 1815 году. В 1682 году Василий Познанский изготовил для храма Распятия Христова в Кремле ещё одну икону «Благодатное Небо», которая отчасти перекликается с католическими образами Богородицы. На ней изображён полумесяц и ангелы, парящие в облаках.

Существует ещё одна поразительная история, связанная с написанием иконы «Благодатное Небо». В 1885 году знаменитого русского художника Виктора Васнецова пригласили создать образ Божией Матери над алтарём во Владимирском соборе Киева. Васнецов отказался от этого предложения из-за болезни сына. И отделочные работы под руководством профессора Андриана Прахова начались в храме без него. Однажды весной, отдыхая с семьёй на даче, Васнецов был поражён сценой: младенец на руках супруги в восторге от красоты цветущего сада протягивал к нему руки. Вдохновлённый увиденным, художник решил, что именно такой образ Богородицы с Младенцем он должен написать на стене Владимирского собора, и отправил Прахову телеграмму с согласием на работу.

В то же самое время в соборе произошло удивительное событие. Стены храма штукатурили перед росписью. И когда Прахов с помощниками зашёл вечером в собор проверить выполненную работу, на ещё сыром слое штукатурки над алтарём они увидели образ, на котором Богородица стояла в полный рост, а Младенец в Её руках протягивал руки, словно желая обнять весь мир.

Образ был столь чётким, что прежде чем штукатурка высохла и стена стала чисто белой, профессор успел зарисовать это изображение.

Когда же приехал Васнецов и Прахов показал ему свой набросок, художник был поражён: он практически повторял подготовленные им эскизы. «Это был заказ Божий», – произнёс он, осознав чудо. Спустя два года работа Васнецова над фреской была окончена. И хотя этот образ был не совсем традиционным, его канонизировали с названием «Благодатное Небо».

В 1900 году по благословению праведного Иоанна Кронштадтского, особенно почитавшего образ «Благодатное Небо», был сделан список с иконы «Благодатное Небо» из Московского Архангельского собора Кремля для ризницы храма Вауловского Успенского скита Романово-Борисоглебского уезда в Ярославской губернии. В настоящее время он пребывает в Воскресенском соборе города Тутаева Ярославской области. Вот как он там оказался.

Вауловский скит – любимое детище преподобного Иоанна Кронштадтского наряду с Леушинским монастырём. Устроенный в усадьбе сенатора Владимира Павловича Мордвинова в 1903 году как подворье Иоанновского монастыря в Санкт-Петербурге, он был местом уединения всероссийского пастыря. В письмах отец Иоанн неизменно называл Ваулово раем на земле. В советское время монастырь был превращён в колхоз, два храма обители были разрушены до основания. Однако чудом сохранилась главная святыня монастыря – икона Божией Матери «Благодатное Небо». Образ высотой более двух метров поражал своим величием и Царственным достоинством Пресвятой Богородицы. Именно пред ним святой Иоанн Кронштадтский отслужил сорок Литургий в последний год своей жизни. В советское время вместе с храмами почти все иконы Ваулово были уничтожены, разрублены и сожжены. Однако моленный образ всероссийского пастыря оказался написанным на металле – его ни разрубить, ни сжечь оказалось невозможно, и он был отправлен в Тутаев на металллом. Однако и здесь его большие размеры спасли образ от переплавки. В конце концов удалось икону перенести в Воскресенский собор Тутаева...

Есть ещё один местночтимый список иконы «Благодатное Небо», он находится в храме Живоначальной Троицы на Воробьёвых горах в Москве, а был обнаружен в 1960-е годы. По достоверным рассказам, почерневшую икону нашли на свалке у общежития МГУ. Оказалось, что раньше студенты спали на ней, подкладывая на кровать вместо доски. Икону принесли в храм, и спустя время она чудесным образом обновилась.

В настоящее время почитание икон «Благодатное Небо» растёт. Благодаря проекту «Благодатное Небо России» были написаны большие храмовые иконы «Благодатное Небо», которые помещены по четырём сторонам света, образуя крестный покров над Россией. Они находятся: на Крайнем Севере – в Морском Никольском соборе города Полярный; на Юге – в Свято-Климентовском Инкерманском монастыре города Севастополь; на Западе – в Морском Георгиевском соборе города Балтийск; на Дальнем Востоке – в храме Российских Новомучеников посёлка Известковский.

Пред образом Благодатное Небо часто молятся о тех, кто заблуждается или впал в ересь. К образу также обращаются с просьбами: об исцелении от болезней и зависимостей; о замужестве и рождении

Виктор Васнецов. Богоматерь с Младенцем

здоровых и счастливых детей; о защите от завистников и врагов, особенно среди мужчин; о безопасности в путешествиях, защите от катастроф и внезапной смерти; о покаянии.

Известны многочисленные случаи исцеления от душевных и телесных недугов по молитвам перед этой иконой. Например, упоминается история об обрусевшей немке-лютеранке, которая после видения во сне и молитвы перед иконой получила исцеление от тяжёлой болезни. Молитвы перед иконой помогали в периоды эпидемий. В XVII веке, во время эпидемии чумы митрополит Филарет призвал совершить крестный ход с иконой «Благодатное Небо». После молитвы перед образом эпидемия начала утихать.

Верующие свидетельствовали, что молитвы перед этой иконой помогали им в трудные времена, защищали воинов в битвах. К иконе обращаются с просьбами о наставлении на путь Православной веры, о защите от ересей и расколов. Икона считается покровительницей воздушного транспорта и воздушно-десантных войск. Служащие Воздушно-десантных войск почитают этот образ Божией Матери и в полевых храмах обязательно хранят его списки. Известный лётчик и герой Великой Отечественной войны Александр Покрышкин был рождён в день празднования иконы и рассказывал, как Богородица хранила и защищала его Своей невидимой рукой в боях.

Празднование иконе «Благодатное Небо» совершается два раза в год: **19 марта** (6 марта ст.ст.) и в **Неделю Всех святых после Троицы**.

УТЕШИТЕЛЬ

«...придёт Утешитель, Которого Я пошлю вам от Отца...» [Ин. 15, 26].

«Яблочный спас в саду яблок припас». В нынешнем году эта поговорка как никогда оправдалась. Повинуясь своим неведомым законам, сады наперекор обморочно жаркому, иссушливому лету повсеместно наплодили горы отменных матёрых яблок. Всякий сорт объявился во всей своей азартной силе и достоинстве: мельба, шафран, лобо, макинтош вкупе с айдаредом, джонатан и бельфлёр... Сады как горели огненно-оранжевыми и тёмно-карминовыми красками. Бодрый яблоневый дух отдавал то карамелью или орехами, то миндалём.

Осенний сбор яблок – не просто этапная садовая обязанность. Это ритуал и в то же время нелёгкая суетная работа. Не так-то просто подгадать в нашем октябре хороший осенний сухой день. В это время погода быстротечна. От неё можно ждать всего и внезапно: или хлёстких морозов, или кручено-верченого урагана, или настырных потопных ливней. Запас октябрьских неожиданностей превосходит любой житейский и метеорологический опыт.

Я поехал на дачу за яблоками при лениво-тёплом фривольном солнце в лучших традициях позднего бабьего лета; а когда был собран первый ящик, небо провалилось, низко осело под тяжестью смурной облачной поволоки такого цвета, словно его наспех заасфальтировали.

Когда наскочил резвый дождь, сразу стало понятно, где мне сегодня придётся ночевать. И только ли сегодня? От дачного кооператива до трассы полкилометра грунтовки. Под дождём она в считанные минуты становится непреодолимой. Таково свойство нашего отменного воронежского чернозёма. Есть хляби небесные, есть – земные. Так вот он как некая «чёрная дыра» не раз прихватывал своими густого замеса склизкими хлябями колёса моей старенькой «шестёрки». Идти за трактором в ближайшее село, в Богдавленское километра два – опять-таки

по топкому провальному чернозёму. К тому же без гарантии найти там хотя бы одного трезвого человека. В дождь, я знал по опыту, это просто невозможно. Ничто так не располагает к нарушению трезвости, как хилое мокрогогоде. Богоявленцы обоих полов не были в этом отношении исключением.

Я спешно занёс на веранду ящики с уже снятыми яблоками, невольно с удовольствием представляя, как завтра к утру их прохладный, благодатный аромат разойдётся по всем комнатам.

Дождь ещё поднапрягся. Он грубо и сильно плескал по саду, то и дело сшибая листья как щелчками. Мокрые, они не летели, а точно капали... Вообще этот бодрый октябрьский хлестун мне явно нравился. Осень хорошо, как следует раздождилась. Но, прежде всего, он нравился мне тем, что оставил меня на даче. И может быть даже не на один день. Человеку, как известно, надо многое; в том числе надо хотя бы время от времени вдруг взять, да и остаться одному в саду на опустевших октябрьских дачах. Я не мог объяснить полезность такого садового затворничества, как можно объяснить, скажем, полезность для организма витаминов или грамотной диеты. Но я догадывался, что так было нужно.

«И взял Господь Бог человека, и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» [Быт. 2, 15].

На веранде у меня всегда запас сухих дров: и на розжиг, какие полегче, и на топку, какие помясистей. Они аккуратными стопками разложены у стены по сортам: грушевые, яблоневые, сосновые. Есть тут и берёзовые чурочки, и дубовые. Когда они у тебя под рукой, дождь только в радость. Печь в доме как мать родная.

Пока я укладывал в топку и возжигал полена, ливень вовсю старался быть настоящим хлестуном. Само собой, откуда-то из детства напомнилось, пришло милое бабушкино слово – «дожжик». Наконец печь заработала, взялась крепким живым огнём. Он сипел, хлопал и азартно вздыхал. Пресно пахнущее сонное тепло повалило по комнатам.

«Земля же была безвидна и пуста» [Быт. 1, 2].

Я невольно почувствовал себя на безлюдных, сиротски-унылых дачах как будто свидетелем Божьего творения мира. Мой спякотный сад, залепленный мокрым дряблым снегом, словно стал Эдемом. Я же ни мало ни много – Адамом. Во-первых, мы оба садовники; во-вторых, я был так же одинок, как и Адам, пока Бог не создал ему помощницу.

В подвечерье я стал на молитву «на сон грядущим». Стал как обычно с бодрым чувством. Есть что-то особенно вдохновенное в молитве, когда ты один на километры вокруг.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Аминь, – аккуратно проговорил я, перекрестился и хотел продолжать, как вдруг понял, что я уже не один. Он тоже здесь. В тёмном углу за печкой. Тот, от которого из века в век тянет серным запахом.

– Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас...

И тут в самый вдохновенный миг молитвы, когда она была на верхнем очищающем подъёме, его тусклый, невнятный голос вдруг с напряжением, как из последних сил скрипуче проговорил в мою сторону: «А Бога-то нет, братец-кролик. Я за него один в двух лицах».

Знакомый психиатр говорил мне, что в их науке такой болезненный казус числится как «хульные мысли», и они относят его к неврозам. Хотя, если по жизни, то вначале эти хульные мысли как бы сами по себе насакаивают, а неврозом они становятся потом, позже, когда всласть истерзают, изгадят душу. Понятно, что атеистам такая ломка не грозит. Учитывая, что я сейчас словно бы находился в райском саду, что я в некотором смысле Адам, призванный «возделывать его и хранить его», то мне для полноты картины без Искусителя, без Змия было никак не обойтись. Но только он сегодня как-то особенно нагло выступил.

Чтобы не осквернить молитву, я отошёл к окну. «Хулитель» это моё отступление как видно засчитал себе в актив и на время удовлетворённо притих.

В саду к хлестуну присоединился мокрый снег. Он не падал – шлёпался. Сочно облепленные им яблоки напоминали увесистые снежки. Тепло печи стало поживе. Кстати, сложивший её печник рабочие паузы заполнял вовсе не компотом, был благодушно разговорчив, и однажды я узнал, что такой кладки печь называется «монашка». Это пришлось мне по душе.

Я лёг, не окончив молитвы, с горечью чувствуя в себе бесовское осквернение. Однажды я видел фильм, в котором инопланетная тварь поселяется в людях, чтобы потом взорвать их изнутри, – моё состояние было сходным.

Сон как дыра во времени. Минуты, часы перестают существовать. Их нет. Ты сопричастен вечности. По крайней мере, так хочется думать.

Под утро я увидел во сне вдалеке яркую серебристую точку. Она медленно приближалась ко мне, пока не приняла вблизи очертания человека в белом одеянии до пят. Только лицо его было неразличимо. Я взволнованно напрягся. Он с кроткой улыбкой пригляделся ко мне.

Исаак Бродский. «Опавшие листья»

– Бог есть любовь, – вдруг сокровенно, дарующе проговорил этот вочеловеченный СВЕТ – и словно вошёл в меня, заполнил всего изнутри озаряющим сокровенным сиянием. Я обострённо почувствовал: ОНО, ЭТО ТЕПЛО, было ЖИВОЕ.

Я проснулся, продолжая физически чувствовать его в себе. Был пятый час утра, то несуетно раннее время, словно предуготовленное для молитвы. Я стал перед иконой в остывшей, уныло пахнущей золотой тёмной комнате. Я знал, что никто и ничто уже не помешает мне, не осилит отныне живущий во мне благодатный свет.

И я был утешен. Молитва получилась тёплая, благодатная. О такой говорят «сотворилась». Хульные мысли навсегда оставили меня.

Сергей Пылёв

О СОВЕРШЕНИИ КРЕСТНОГО ЗНАМЕНИЯ

Когда одному помещику подарил святитель Антоний «Слово Златоуста о страхе Божиим и о правильном изображении креста», то этот господин сказал между прочим, что уже теперь выходит из употребления креститься и молиться перед обедом и после обеда.

Преосвященный Антоний со скорбью сказал: жалко, что люди сами себя уподобляют скотам несмысленным. Как не молиться Богу? Мы, одарённые разумом, способным постигать благоденствия Божию, должны непременно молиться Богу и в начале стола, и после оногo; первой молитвой испрашивать благословения у Бога на принятие пищи; а второй благодарить за насыщение земными благами и просить, чтобы Господь не лишил нас и небесных благ.

ПРОБРАЗ «ИДЕАЛЬНОГО ХРИСТИАНИНА»

Святителя Игнатия (Брянчанинова), Кавказского и Черноморского епископа называют лучшим духовным руководителем нового времени и учителем современного монашества. Труды этого выдающегося религиозного писателя, вобравшие в себя опыт древних подвижников, читают и любят не только в России. В своих трудах он рассматривал Православие как духовную основу, охраняющую общество от распада, кровавой смуты и пагубных помрачений. Надо сказать, эти мысли по сей день кажутся актуальными.

В церковной истории его жизненный путь стоит особняком – настолько исключительным был выбор высокообразованного дворянина и блестящего военного, который пожелал целиком посвятить себя Богу, соединив в себе разобщённые полюсы – интеллигенции и Церкви. Именно своей невероятной судьбой, далёкой от традиционной семинарской биографии, святитель Игнатий привлёк внимание Ф.М. Достоевского, став одним из прототипов его «идеального христианина» – старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы».

Родители святителя Игнатия оба происходили из одного дворянского рода Брянчаниновых и имели общего славного предка – Михаила Бренко. Верный оруженосец святого Димитрия Донского, он отдал за него жизнь в Куликовской битве: в одежде великого князя и под княжеским знаменем геройски погиб в битве с татарами. Спустя столетия у его благочестивых потомков – Софьи Афанасьевны и Александра Семёновича Брянчаниновых рождаются, но умирают во младенчестве двое детей. Супруги долго оставляли бездетными. Уповая на милость Господа, они ездили по святым местам и молились угодникам Божиим, особенно преподобному Димитрию Прилуцкому – его монастырь был в нескольких верстах от усадьбы Брянчаниновых. Молитвы были услышаны, и 5/17 февраля 1807 года в родовом имении, в селе Покровском Грязовецкого уезда Вологодской губернии, родился долгожданный ребёнок – будущий православный мыслитель и проповедник. В крещении его нарекли Дмитрием – в честь Прилуцкого чудотворца.

После рождения Дмитрия Господь наградил Брянчаниновых ещё восьмью детьми. Но шумная их детская компания со своими недоумениями бежала не к родителям, а к старшему брату, который был не по годам рассудительным и справедливым. Он понимал своих братьев и сестрёнок, хотя сам оставался непонятым. С детских лет он мечтал о монашестве, чувствовал склонность к молитвенным трудам и уединению, но это не нашло сочувствия в его родителях.

Отец Дмитрия был просвещённым помещиком и светским человеком. Безупречные манеры, ум, любовь к искусству и богатое наследство сочетались в его жизни с патриархальным благочестием. Выйдя в отставку, Александр Семёнович был избран предводителем дворянства. В имении он сперва построил церковь Покрова Богородицы и лишь потом – барский дом. В селе на свои средства содержал двухклассное училище для крестьян. Хорошее образование он дал и своим детям, желая, чтобы они росли верными сынами Отечества и заняли государственные посты. Мать также была образованна и разделяла взгляды мужа.

Икона свт. Игнатия (Брянчанинова)

Для Дмитрия были приглашены профессора Вологодской семинарии. Мальчик поразил их быстрым умом, превосходной памятью, логикой, литературным даром... Все ему пророчили блестящее будущее, но честолюбивые мечты были чужды ему, своим «умничаньем» – вопросами о смысле жизни и смерти он вызывал недовольство отца. Отрок находил утешение на лоне природы и в храме, в неспешной молитве, в благоговейном чтении Евангелия. Не случайно позднейшее признание его: «Детство моё было преисполнено скорбей. Здесь вижу руку Твою, Боже мой! Я не имел кому открыть моего сердца; начал изливать его пред Богом моим, начал читать Евангелие и жития святых Твоих».

Пятнадцатилетним юношей по настоянию отца Дмитрию предстояло поступать в Императорское военно-инженерное училище. По дороге в Петербург отец неожиданно спросил его, куда бы тот хотел поступить на службу. «В монахи», – последовал ответ. Но отец лишь отмахнулся от слов сына. Зимой 1822 года в зале Инженерного замка Дмитрий блестяще сдал приёмный экзамен и был определён сразу во второй класс. Генерал-инспектор инженерной части – будущий император Николай Павлович – сразу заметил красивого, умного и застенчивого отрока, предрёк ему прекрасное будущее и взял на своё обеспечение. О необыкновенном пансионере императора знал весь Петербург. Вокруг Брянчанинова собрался кружок почитателей «святости и чести». Скромного юношу, которого часто видели у икон за молитвой, товарищи прозвали Монахом. Но сдружился он лишь с юнкером Михаилом Чихачевым, обладавшим редким добродушием, ему будущий святитель доверял свои душевные переживания.

Непросто было отгородиться от мирской суеты – многие желали видеть в своих гостиных красивого офицера недюжинных дарований и острого ума, прекрасно декламирующего стихи и зрело рассуждающего об искусстве. Но от всех «наук человеческих» в душе Дмитрия «возросла страшная пустота, голод, тоска невыразимая по Богу». Службы в храме, редкое причащение в училище (дважды в год) были недостаточны тому, кто «горел желанием узнать, где кроется истинная вера, истинное учение о ней», юноше необходимо было духовное руководство.

В годы учения юноша встретился с монахами Валаамского подворья. По совету их обратился со своими богословскими вопросами в Александро-Невскую лавру, где познакомился с учениками преподобного Паисия Величковского. Духовнику лавры о. Афанасию Брянчанинов признался, что хочет бросить училище и уйти в монастырь. Но старенький слуга слышал беседу и всё передал отцу Дмитрия. Разгневанный Александр Семёнович написал начальнику Инженерного училища графу Сиверсу, будто духовные лица склоняют Дмитрия к монашеству. Доложили митрополиту Серафиму (Глаголевскому), священноархимандриту Александро-Невской лавры, и юноше пришлось объясниться с ним. Не обнаружив в стремлении Дмитрия к монашеству никаких честолюбивых расчётов, владыка благословил его по-прежнему ходить в лавру.

Решаясь отойти от мира «для усвоения Христу», юноша понимал, что его частые простуды, капризный желудок и «барское» воспитание усложнят пребывание в монастыре. Но самоотверженно просил Господа дать ему сил всё перетерпеть, исполнить волю Божию как «долг непрременный». Весной 1826 года последовала внезапная болезнь – чахотка (тяжёлая форма туберкулёза), от которой, несмотря на неблагоприятные прогнозы, Брянчанинов излечился. Она и помогла несколько позже ему освободиться от немилостивого ему натуре мирского поприща. Недуг забирает силы молодого офицера, он готовился к переходу в вечность. И когда вдруг стал поправляться, решил

Портрет Дмитрия Брянчанинова в офицерском мундире

более не тянуть с принятием монашества. Встреча в Александро-Невской лавре с приехавшим в 1826 году в Санкт-Петербург иеромонахом Леонидом (Наголкиным) – будущим оптинским старцем Львом – подкрепила Дмитрия в решении отказаться от светской и офицерской карьеры.

В июне 1826 года он получил отпуск для поправки здоровья и поехал в родное Покровское, где отец, догадываясь о стремлениях непокорного сына оставить мир, пытался «вразумить» его. Однако осенью любимец императора, которому он был обязан образованием, подал прошение об отставке, которое император отверг. В январе 1827 года великий князь Михаил Павлович сообщил Дмитрию о предложении императора вместо отставки избрать перевод в любой гвардейский полк в южных губерниях России, ибо они благоприятны для здоровья. Однако молодой военный инженер отказался от высочайшей милости, после чего был направлен в инженерную команду Двинской крепости в Динабург (современный Даугавпилс).

К своим обязанностям офицер отнёсся со всей ответственностью, но вскоре снова заболел в продуваемой всеми ветрами крепости и неделями не выходил из квартиры. Товарищи, полюбившие Дмитрия за доброту и бескорыстие, помогали ему. Когда через полгода Великий князь Михаил прибыл в Динабург, от бывшего красавца Брянчанинова осталась лишь тень. Физическая непригодность к военной службе стала очевидной. Вопреки воле родителей Дмитрий в чине инженер-поручика вышел в отставку по состоянию здоровья в феврале 1828 года. Узнав об этом, разгневанный отец отказал сыну в денежной помощи и прекратил переписку.

Свою чахотку Дмитрий воспринял как жертву Богу, принесённую ради духовного выбора, и поступил послушником в Александро-Свирский монастырь. Послушники полюбили своего тихого и кроткого товарища. Дмитрий ни шага не делал без ведома старца Леонида, которому впервые попался такой одарённый ученик. Старец подвергал его разным испытаниям, желая сбить предполагаемые проявления дворянской гордыни, характерной обычно для выходцев «из благородных». Скрывая от других своё происхождение и образованность, Дмитрий смиренно выполнял самую грубую работу. Через год о. Леонид переехал в Площанскую пустынь, Дмитрий последовал за ним. Но душа его скорбела по учёному наставнику, желая восполнить пробелы в духовном образовании. Своё духовное состояние в это время Брянчанинов позже отразил в миниатюрах «Древо зимою пред окнами келлии» и «Сад во время зимы».

В январе 1829 года Михаил Чихачев, приехав к другу, также стал учеником о. Леонида, и старец благословил их на проживание в одной келье. Однако видя стремление Дмитрия и Михаила к большей автономии, вскоре он отпустил друзей жить вне Площанской пустыни, велел им искать новый приют другого духовника.

После скитаний в мае 1829 года друзья были приняты послушниками в Оптину пустынь. На хрупком организме Дмитрия сказалась грубая пища, он заболел, следом слёг и Михаил. Слух об их болезни дошёл до родителей Брянчанинова.

Продолжение на стр. 12

Дмитрию пришло письмо от отца: ему казалось, что дни захворавшей Софьи Афанасьевны сочтены, он звал сына домой, обещая не препятствовать более на выбранном им пути. Обрадованный Дмитрий поспешил с Михаилом в Покровское. Но вскоре Софья Афанасьевна поправилась, и к Александру Семёновичу вернулось прежнее настроение. Хотя мать стала сочувствовать выбору Дмитрия, для отца он так и остался непокорным сыном.

Друзей поместили в отдельном флигеле, где они смогли наладить скитскую жизнь. Вскоре, однако, их уединение было нарушено: стали навещаться любопытные гости. Не желая более раздражать отца, Дмитрий решил уйти с Михаилом в уединённый Кирилло-Новозерский монастырь на Огненном острове в Новозере. Планировка монастыря задумывалась в XVII веке, это была неприступная островная обитель с высокими каменными стенами на сваях и гранитном фундаменте с мощными угловыми и надвратной башнями. В 1928 году монастырь был разрушен, и в настоящее время территория его служит колонией №5 для отбывающих пожизненное заключение «Вологодский пятак».

Великим Постом 1830 года друзья прибыли в новую обитель и были радушно приняты игуменом. Потекли размеренные дни: долгие службы, беседы с духовным старцем Феофаном, послушания... Но и здесь молодой послушник так и не нашёл наставника, который был бы «оживлённым учением Отцов».

Весной жестокая лихорадка свалила Дмитрия. Сырой климат от испарения воды подорвал и без того слабый организм послушника, три месяца испытывал мучительные симптомы болезни. Под конец у него стали так опухать ноги, что он не мог вставать уже с постели. Брянчаниновы прислали за больным сыном экипаж, и друзья на время расстались – Дмитрий уехал в Вологду, а Михаил к своим родным в Псков. Дома Дмитрий быстро поправился, и вологодский епископ Стефан устроил его послушником в Семиго-

родней пустыни. Здоровый климат обители, духовные беседы с иеромонахом Софонией, который помнил послушника Димитрия ещё по Петербургу в бытность его студентом Инженерного училища, способствовали тому, что странник-иннок окреп и продолжил свои литературные труды. Здесь, по аналогии с плачем пророка Иеремии над Иерусалимом, им написан «Плач инока», где выразилось состояние души, горящей любовью к Христу, но не находящей сочувствия среди людей. Пребывание в пустыни было недолгим: многолюдство её понудило Брянчанинова попроситься в более уединённую обитель – Глушицкий Дионисиев монастырь, куда он и был в феврале 1831 года зачислен послушником.

И тут Александр Семёнович снова стал требовать возвращения сына на государственную службу. Ждать более было нельзя: Дмитрий попросил епископа постричь его в монахи. 28 июня 1831 года в Вологде он принял постриг в честь священномученика Игнатия Богоносца. Ничего не зная о сыне, Брянчаниновы прибыли в то воскресенье на архиерейское богослужение. И вдруг в постриженном иноке узнают своего сына! Рухнули честолюбивые надежды отца – в гневе отправился он домой, мать же смирилась с выбором сына... Вскоре Игнатий был рукоположен в иеромонаха: «Живу какою-то новою жизнью, – записал он. – Я счастлив!».

В начале 1832 года иеромонах Игнатий был назначен настоятелем Григорие-Пельшемского Лопотова монастыря на Вологодчине, в 1833 году возведён в сан игумена. Скольких трудов молодому владыке стоило восстановить запустевшую обитель и наладить «науку из наук и искусство из искусств – монашеское жительство». Он проявил себя незаурядным организатором, пригодились полученные инженерные знания и военная выучка. Вскоре вернулся к нему верный друг Михаил Чихачев. По пути он познакомился с графиней Анной Алексеевной Орловой-Чесменской, которая, сочувствуя молодым подвижникам, стала неустанной их благотворительницей. Михаил

Троице-Сергиева пустынь (Троицкий собор)

наладил церковное пение, а будущий святитель Игнатий постриг своего друга в рясофор. Сбылась давняя мечта друзей о совместном труде во славу Божию.

Кого-то в Вологде стал раздражать успешная деятельность молодого владыки, пошли сплетни, наветы. Игумен Игнатий терпеливо сносил клевету, однако физические силы его скоро иссякли – снова начался туберкулёз, грозивший святителю гибелью. Надо было менять климат, но прошения в разные обители ничего не дали. По совету графини Чихачев обратился к приехавшему в Петербург митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), и тот предложил молодому игумену место в Николо-Угрешском монастыре. Неожиданно сам император вызвал своего воспитанника к себе в Петербург и предупредил Игнатия, что его «митрополиту Филарету не отдаст». В Зимнем дворце Николай I удивил игумена: «Ты у меня в долгу за воспитание, за мою любовь к тебе. Ты избрал по своему произволу путь – на нём ты и уплати мне долг твой. Я тебе даю Сергиеву пустынь».

1 января 1834 года игумен Игнатий был возведён в сан архимандрита. Ответившую и духовно запущенную Свято-Троицкую Сергиеву Приморскую мужскую пустынь под Санкт-Петербургом, в Стрельне, он должен был сделать образцовой, как велел император... Эту обитель святитель Игнатий буквально вернул к жизни. В период его управления был отреставрирован Троицкий собор – пятиглавый храм в центре архитектурного ансамбля монастыря, построенный по проекту знаменитого архитектора П.А. Трезини. Главной святыней храма была привезённая из Сергиевой лавры основателем пустыни чудотворная икона преподобного Сергия Радонежского.

Также по инициативе святителя Игнатия были возведены церкви Покрова Пресвятой Богородицы и святителя Григория Богослова. Молодой владыка отстроил братские корпуса, завёл строгий устав и монашеское делание, а благодаря усилиям Михаила Чихачева наладилось старинное церковное пение. Специально для этого монастырского хора писали свои произведения Пётр Турчанинов и Михаил Глинка. 24 года посвятил владыка Игнатий Троице-Сергиевой пустыни, расцветшей под его руководством. Долг императору был возвращен сполна. Во время хрущёвской антирелигиозной кампании 1960-х годов Троицкий и Воскресенский соборы, церкви Покрова Пресвятой Богородицы и святителя Николая Чудотворца были взорваны...

С 1838 года круг деятельности архимандрита Игнатия значительно расширился: он был назначен благочинным всех монастырей Петербургской епархии и мог теперь более широко распространять свое благотворное влияние на монашество всей епархии. Он способствовал расцвету духовной жизни древнего Валаамского монастыря, содействуя назначению туда настоятелем опытного в духовной жизни игумена Дамаскина.

В 1847 году впервые появились в печати литературные произведения святителя Игнатия: в журнале «Библиотека для чтения» были опубликованы статьи «Валаамский монастырь» с подписью «И.И.И.» и «Воспоминание о Бородинском монастыре» с подписью «И.».

В этом же году после приступа ревматизма соколаетний архимандрит Игнатий подал прошение об увольнении на покой в полюбившийся ему Николо-Бабаевский монастырь близ устья реки Солоницы, при впадении её в Волгу. Ему был разрешён лишь отпуск на 11 месяцев, который он и провёл в этом монастыре. Здесь он вёл уединённую молитвенную жизнь, создал несколько очерков, продолжал переписку с духовными детьми. А в 1848 году возвратился в Троице-Сергиеву пустынь.

В Сергиевой пустыни к архимандриту Игнатию непрестанно приходили посетители всех положений и рангов. С каждым нужно было побеседовать, каждому нужно было уделить время. Владыка весьма различно относился к посетителям: это зависело от того, с каким расположением души приходили они к отцу Игнатию. Его душа обладала особым свойством видеть состояние души других людей. Это особое свойство имеют почти все благодатствованные люди, люди духа, а не плоти. Архимандрит Игнатий с одного взгляда постигал душу человека. С окаменелыми он был молчалив. С лукавыми – порой юродствовал. Но с искавшими спасения он был откровенен и беседовал подолгу, вливая в душу собеседника спасительный бальзам слова Божия, святоотеческих наставлений и проверенных своей жизнью советов.

В ноябре 1857 года архимандрит Игнатий был рукоположен во епископа Кавказского и Черноморского и направлен в Ставрополь, где занимался обустройством епархии в течение четырёх лет. На Кавказе ещё не утихла война, и духовная жизнь пребывала в упадке. Поражает то, что обременённый многими недугами Преосвященный Игнатий, несмотря на столь слабое здоровье и реальную опасность попасть в заложники или быть убитым во время военных действий, которые велись на Кавказе, всё равно ездил по многим приходам своей обширной многонациональной епархии и везде проповедовал слово Божие, посещая многие приходы от Тамани до Кизляра, не страшась военных действий. Он был прост, приветлив и внимателен, но в то же время взискателен и строг. Он заботился и об устройении богослужения, и о здоровых взаимоотношениях духовенства и мирян. Пекся об улучшении быта духовенства, повышении его образовательного уровня. А предметом его особой заботы за неполные четыре года служения на епископской кафедре стало духовное образование и воспитание будущих пастырей, что дало свои плоды.

Однако в 1861 году из-за обострившейся болезни он подал прошение об отставке, прошение было удовлетворено. Он ушёл на покой и поселился в Николо-Бабаевом монастыре Костромской епархии. Там он вёл уединённую молитвенную жизнь и занимался писательской деятельностью, создав известные труды «Приношение современному монашеству», «Отечник», «Слово о смерти». А также завершил работу над собранием своих трудов – переложением святых отцов древности для современных христиан.

На Пасху 1867 года святитель Игнатий отслужил свою последнюю Литургию. А через две недели, 30 апреля, в праздник Жён-мироносиц мирно отошёл ко Господу в возрасте восьмидесяти шести лет.

Окончание на стр. 14

Святитель был погребён в пределах монастыря в больничной церкви в честь свт. Иоанна Златоуста и прп. Сергия Радонежского за левым клиросом. К концу XX века от ансамбля монастырских построек Николо-Бабаевского монастыря сохранились лишь разрозненные сооружения, по которым с трудом угадывался его некогда цельный и величественный облик. Собор Иверской иконы Божией Матери и храм Николы Чудотворца были взорваны. В советские годы в разное время здесь размещались госпиталь, дом престарелых, детский дом, колония для малолетних преступников, детский противотуберкулезный санаторий. Все святые монастыря, все чудотворные иконы исчезли, остались только мощи Святителя Игнатия (Брянчанинова). Память о месте погребения великого русского подвижника сохранилась только благодаря одному из церковных очерков 1895 года... В 1998 году монастырь возвращён Русской Православной Церкви.

После святителя осталось богатое литературно-богословское наследие. Литературные опусы его одобрял сам А.С. Пушкин. А к бессмертному духовному наследию Преподобного Игнатия сейчас обращается весь Православный мир. В своём богословии святитель опирался на опыт и учение святых отцов Церкви: он тщательно изучал творения древних подвижников и стремился применять их принципы к современной жизни. При этом подход его отличался консервативностью и стремлением сохранить чистоту Православной веры. Нелёгко был путь

его духовного становления – сначала как военного инженера, а затем как монаха и епископа. Но выбору монашеского пути служения Богу и православному богословию – выбору, совершённому в ранней юности, владыка оставался верен до последнего своего вздоха.

Сочинения епископа Игнатия – это и плод размышлений богослова-теоретика, и живой опыт деятельного подвижника, создавшего свою духовную жизнь на основе Священного Писания и нравственного предания Православной Церкви. Некоторые исследователи приписывают святителю Игнатию и пророческий дар: считается, что он предвидел многие события XX века, в том числе революцию и гонения на Церковь.

6 июня 1988 года святитель Игнатий (Брянчанинов) был прославлен в лике святых, а за десять дней до этого его мощи были перенесены из разрушенного Николо-Бабаевского в возрождающийся Свято-Введенский Толгский женский монастырь Ярославской епархии, где и почивают по сей день.

Слава Богу, память о великом русском богослове возвращается. Празднование святителю совершается **13 мая / 30 апреля ст.ст.** И в настоящее время преосвященный Игнатий является лучшим примером того, как в жизненном водовороте человек может сохранить верность Христу, возгревая постоянно в сердце своем огонь любви и преданности Богу.

**Использованы материалы
Православного женского
журнала «Славянка»
№ 3(69) 2017 г.**

Костанди Кириаки. «Цветущая сирень» (1902 г.)

* * *

*Залеплись в душе слова,
как на ране,
и не сплю до петухов я
до третьих...*

*Дай мне, Боже,
выносить с поля брани
во единый лазарет
тех и этих.*

*Чтобы свечи в лазарете
горели,
чтобы стражники стояли,
крылаты.*

*Чтоб в глаза они
друг другу смотрели,
заключённые
в пространство палаты.*

*Чтобы понял тот,
кто взял меч не правый,
братской кровью
свою душу чернивший,*

*что под Киевом
сидит семиглавый
змей поганый,
христиан полонивший.*

*Чтобы те вдруг
сокрушились, как эти,
чтобы плакали до дна,
до одышки.*

*Чтобы спели им
донецкие дети,
прямо с неба,
про рисунок мальчишки...*

*Залеплись в моей душе
эти грёзы,
и смешны они, конечно,
и странны...*

*Дай мне, Боже,
отирать эти слезы,
Дай мне, Боже,
омывать эти раны...*

Виктория Можеева

МОНАСТЫРИ, СВЯЗАННЫЕ С ПРЕБЫВАНИЕМ СВЯТИТЕЛЯ ИГНАТИЯ (БРЯНЧАНИНОВА)

*Григорие-Пельшемский Богородицкий Лопотов монастырь.
Слева – конец XIX века. Справа – конец XX века.*

*Дионисиево-Глушицкий Покровский монастырь.
Слева – конец XIX века. Справа – конец XX века.*

*Никола-Бабаевский монастырь.
Слева – конец XIX века. Справа – конец XX века.*

*Кирилло-Новозерский монастырь в честь Воскресения Христова.
Слева – конец XIX века. Справа – первая четверть XXI века. «Вологодский пятак» на Огненном острове – Колония №5
в стенах поруганного Кирилло-Новозерского монастыря.*

ВЕСНОЙ СОРОК ПЯТОГО ГОДА

«Помнит Вена, помнят Альпы и Дунай / Тот цветущий и поющий яркий май», – это строки из песни, которую в обиходе чаще называют «Помнит Вена...» или «Весна сорок пятого года». На самом деле её название – «Майский вальс», и в тексте отражён реальный эпизод, когда прямо на улицах освобождённой от фашистов Вены русские солдаты и местные жители танцевали вальс. Но песня не только об этом историческом факте. В «Майском вальсе» – и исполнение чаяний народа, победившего фашизм, и первые ростки мира, что нарождается на обломках страшной войны.

На фронте миг – это прожитая жизнь. К Великой Победе шли долгие четыре года, а в последние весенние месяцы уже никто и ничто не могло остановить Красную Армию. К концу марта одной из важных задач являлась освобождение главного города Словакии Братиславы – дунайского «ключа» от Восточной Европы. В ходе начавшейся 26 марта Братиславско-Брновской наступательной операции 2-я Украинская армия под командованием маршала Родиона Яковлевича Малиновского на чехословацкой земле за короткий срок освободила около двухсот сёл и городков. В ходе боёв блестяще показали себя казаки генерала Иссы Александровича Плиева, лихими и ошеломляющими действиями наводившие на врага ужас.

Водружение знамени над Рейхстагом. Фото Е. Халдея

За столицу Словакии бои завязались 2 апреля. Прорвав мощную линию укреплений, наши войска двумя группировками с разных сторон вышли к окраинам Братиславы, а моряки Дунайской военной флотилии под огнём противника обеспечили переправу и десантирование советских войск. Не удержав речные рубежи, фашисты надеялись отсидеться в укрепленном районе Западных Карпат – не вышло! Два дня шли ожесточённые бои за каждый квартал, улицу, за каждый дом Братиславы. Несмотря на мощную систему обороны, советские части сломали вражеское сопротивление и обратили немецкий гарнизон в бегство. Причём наши войска ограниченно использовали тяжёлую артиллерию, стремясь сохранить исторический центр города.

Затем был Кёнигсберг. Операцию по взятию этой считавшейся неприступной крепости с пятнадцатью фортами можно считать уникальной. Перед штурмом Кёнигсберга советское командование тщательно отработало действия на детальном макете города. Ещё до начала штурма немцы хвастливо написали на крепостных стенах: «Слабая русская крепость Севастополь держалась 250 дней, а Кёнигсберг не будет сдан никогда». После того, как немецкая крепость пала, на тех же стенах на русском языке появилось: «Мы обороняли Севастополь 250 дней, а освободили за четыре».

В боях за Кёнигсберг советские штурмовики впервые массово применили огнёмётные батальоны, «выкуривая» из дотов и подвалов затаившегося врага. В плен попало около ста тысяч солдат, офицеров и даже комендант генерал Отто фон Ляш, которого Гитлер за сдачу города заочно приговорил к смертной казни. В СССР учредили медаль «За взятие Кёнигсберга», – она уникальна, ведь ею награждали за взятие не столицы, а города-крепости.

Неостановим был русский вал! Не успели фашисты как следует осознать потерю Кёнигсберга, а Красная армия уже стучалась в ворота Вены, где местными жителями втайне готовилось восстание против нацистов, однако нашлись предатели, выдавшие гитлеровцам штаб повстанцев.

Концерт Лидии Руслановой на ступенях Рейхстага

Не дождавшись поддержки, Красная армия начала штурм в намеченный срок – 5 апреля. Ворвавшись в город, советские солдаты применили новую тактику, называемую «стена к стене». Открыто бегущих в атаку красноармейцев редко можно было увидеть на насквозь простреливаемых улицах. Чтобы избежать убийственного огня, бойцы передвигались через пробитые дыры в стенах соседних домов, на перекрестках же использовали длинные верёвки, перетаскивая станковые пулемёты от одного здания к другому. Так же, как и в Братиславе, советское командование приказало максимально избегать применения тяжёлой артиллерии по историческому центру. Благодаря этому остались нетронутыми великолепный по архитектуре собор Святого Стефана и знаменитая Венская ратуша.

В ночь на 11 апреля моряки Дунайской флотилии высадили десант у Имперского моста и захватили его, предотвратив подрыв важной переправы. Немецкие войска не только не удержали австрийскую столицу, но ещё и угодили в так называемый «Венский котёл» – оружие сложили более ста тридцати тысяч солдат вермахта. И вот уже «На площади Вены спасённой / Собрался народ стар и млад. / На старой израненной в битвах гармонии / Вальс русский играл наш солдат». Венский вальс – играл русский солдат...

Наконец – Берлин! В прежние века русские войска «забирали ключи» от него дважды. В 1760 году в ходе Семилетней войны и в 1813 году, освободив от Наполеона. В 1945-м пробил час очистить немецкую столицу в третий раз, теперь – от нацизма.

16 апреля в четыре часа утра из передатчиков по всем КП фронта прозвучало кодовое слово «Родина» – и грянула мощнейшая артподготовка, обрушившая на Зееловские высоты тысячи тонн металла. В небе над Берлином зависли советские аэростаты – они корректировали огонь. Перед началом огненного шквала наши разом включили полторы сотни зенитных прожекторов, которые создали эффект дневного света и ослепили врага.

Бойцы Красной армии продвигались к Рейхстагу, где кроме гитлеровцев засели французские

фашисты и эстонские эсесовцы. Кстати Берлин обороняли и литовцы, и латыши. Прошли десятилетия, а «декорации» и «действующие лица» всё те же... Что удивительно, «лица» эти никак не угомонятся, хотя итог для них один – полный крах.

Оборона Берлина рухнула 2 мая, её начальник генерал Гельмут Вейдлинг сдался в плен и отдал приказ о прекращении сопротивления. Из домов и подворотен потянулся неприятель с поднятыми вверх руками – в ходе и после Берлинской операции Красная Армия «приняла» почти полтора миллиона солдат и офицеров, сдавшихся на милость победителя.

В этот день родилась и знаменитая фотография Евгения Халдея, где бойцы водружают знамя над Рейхстагом. Фото постановочное – Халдей сделал его уже после реального установления флага Михаилом Егоровым и Милитоном Кантария. К слову, Кантария ушёл на фронт, получив повестку в наших воронежских Лисках. Само Знамя Победы – «Знамя №5» 150-й Стрелковой дивизии подготовили тоже до начала штурма.

Первую капитуляцию фашистская Германия подписала 7 мая во французском Реймсе, но Верховный Главнокомандующий Вооружёнными силами СССР Иосиф Виссарионович Сталин потребовал, чтобы акт был подписан именно в Берлине, взятом Красной Армией. Второе и окончательное подписание произошло 8 мая в здании военно-инженерного училища в пригороде Берлина в 22:43 по европейскому времени. А в Москве уже наступило 9 мая, поэтому именно этот день стал для нас Днём Победы. Ведь не важно, который там у них час, главное победное время показывали стрелки на циферблате кремлёвской Спасской башни.

Сразу после капитуляции на ступенях поверженного Рейхстага дала концерт незабвенная Лидия Русланова. В сопровождении казачьего ансамбля Михаила Туганова на импровизированной сцене певица исполнила народные песни и, конечно же, знаменитые «Валенки». Перед тем, как спеть, Лидия Андреевна объявила: «А сейчас “Валенки, не подшиты, стареньки” – которые до самого Берлина дошагали!».

Владимир Штранх.
«Праздник Победы 9 мая 1945 года»

Вспоминали участники и слушатели: «Ком в горле встал, слёз было не сдержать. Орлы фронтовые, на гимнастёрках тесно от наград – плакали, не стыдясь». Георгий Жуков снял со своей груди орден и вручил Руслановой, а сама исполнительница углём расписалась на одной из колонн Рейхстага. Лидия Русланова прибыла в Берлин, когда в городе ещё шли бои. Офицер, увидев певицу на улице, крикнул: «Ложись, убьют ведь!». Ответ Руслановой показателен: «Да где это видано, чтобы Русская Песня врагу кланялась!...».

В последние два весенних месяца в Москве не смолкал гром салютов. 4 апреля в честь освобождения Братиславы раздалось двадцать четыре артиллерийских залпа, столько же 10 апреля в честь взятия Кёнигсберга, 13 апреля празднично салютовали освобождённой Вене. Наконец, 9 мая в десять часов вечера из тридцати орудий прогремела тысяча победных залпов. Помнятся они и теперь. Вместе с салютом в сознании каждого жителя нашей страны и сегодня звучит набат, не дающий забыть тех, кто положил свои жизни «за други своя», за свободу нашего народа, за мир на Земле.

На территории Словакии находится около ста шестидесяти захоронений советских воинов, павших при освобождении территории нынешней Словацкой Республики, в которых спят с миром десятки тысяч солдат. При штурме Вены погибло около двадцати тысяч красноармейцев, за взятие Кёнигсберга мы заплатили восемнадцатью тысячами жизней, в Берлине пало около восьмидесяти тысячи наших солдат и офицеров...

С того времени минули десятки лет, но памяти народной не стереть. И впрямь, «Помнит сердце, не забудет никогда».

Игорь Маркин

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я КОЛЯ!

Счастье ведь не в том, чтобы получить; счастье в том, чтобы отдать. И чем больше отдал – тем более счастлив!
(Народная мудрость)

Один известный поэт сказал так: «Плохо человеку, когда он один. Горе одному, один не воин...». Неправильно сказал, хотя стихи иногда писал неплохие. Возьмите хотя бы толпу – мятущуюся, ревущую. Каждый её член мнит себя частью единого целого, но ведь по сути он, этот «каждый» – микрокосм, вселенная, бессмертная душа, неповторимая и бесценная. Жаль, не ведает об этом тот самый «каждый», вот и плохо ему, когда он остаётся наедине с собой.

А Коле было хорошо. Он был один такой на все Печоры. Да что там Печоры? что область? На весь мир! Каждый день он просыпался с удивлением и радостью, что живёт он на свете и зовут его Николай.

– Здравствуйте, я Коля! – говорил он знакомым и незнакомым людям. И улыбался. И люди улыбались. Хотя ещё за мгновение до этого совсем не собирались это делать.

«И чего это я? – думал один, растягивая губы в улыбке. – Меня ведь друг предал, на деньги кину-

ли...»; «Работу потерял... болезнь одолела...», – думали другие... и улыбались. Один уж совсем злой – на весь мир и на улыбки тоже, – услышав «Я Коля», не понимая, что это с ним происходит, улыбнулся, и так широко, что лицо с непривычки затрещало по швам.

Да ладно – улыбнулись! Так ведь ещё и счастья при этом полные карманы. А это уж ни в какие ворота! Ведь сказано: друг предал... работу потерял... на деньги кинули...

Жаль только, что лишь отходил Коля, чтобы другим напомнить о себе, так и счастье от тебя потихоньку ускользало. Ведь мало получить – надо уметь сохранить, но это уже целое искусство. А ты ведь не он, ты не просыпаешься радостным и удивлённым.

Колю иные называли убогим, а это что? Это значит – он у Бога! Совсем близко! Рядом! С Творцом всего сущего, всякой твари! Поэтому много богатств было у Коли, всего и не перечислишь: например, любви, радости, счастья! И всем этим он щедро делился. У

тех, которые у Бога, ведь как? Отдали много, а осталось ещё больше! И если бы Коля всему миру, каждому его большому и малому человеку назвал своё имя, улыбнулся и каждого сделал счастливым, то остался бы он во сто крат богаче, нежели был до этого.

Вот так Премилосердный Господь всё устроил, так всё уложил. И знал об этом, кроме Коли, кое-кто из братии монастыря, подле врат которого Коля каждый день гулял и делал людей счастливыми, и немногие разумные люди из местных жителей да приезжающих паломников.

Вот идёт по соборной площади солидный мужчина со значительным видом и суровым лицом. Поди подойди к такому! Взглянет – холодом обдаст, скажет – оцепенеешь от страха. А Коля нет, он подбежит, разулыбается и так искреннее восхитится важным незнакомцем, что тот, как ледник Туэйтса в Западной Антарктиде, раскиснет, потечёт благостными струйками и беспомощно улыбнётся Коле в ответ. А тот ему:

– Приезжайте к нам ещё!

Алексей Саврасов. «Печерский монастырь близ Нижнего Новгорода»

«К нам» – это в монастырь, в Печоры, в славные святые места, где свет и радость изливаются не только от крестов на куполах храмов, не только от ликов икон, от молитв и святых песнопений, от камней, истёртых сандалиями иноков, но от каждого звука – начиная от колокольного звона и до тихого «Здравствуйте, я Коля!».

А ещё он был проводником тем, кто заблудился. «Как? – воскликнете вы. – Где там можно заблудиться, в таком маленьком городке?». Да и не в городке вовсе, а на соборной площади и прилегающих к монастырю улицах. Паломники ведь такие рассеянные, а туристических автобусов так много, и они – словно близнецы-братья, поди их разбери, где чей. Вот и бегают некоторые молодые и пожилые в платочках и шляпках. Где ж наш транспорт? Ай без нас уедет? Тут появляется Коля. Берёт под руку и ведёт прямо к нужному автобусу. «Что ж здесь такого? – опять спросите вы. – Мудрёно ли дело проводить до автобусной стоянки?».

Но не спешите, подумайте. Вот женщина с испуганным лицом из Ростова-на-Дону застыла, раздумывая, куда идти, от обилия впечатлений потеряв нужный ориентир. А рядом, как Ангел Хранитель, Коля. Давеча они уже познакомились. Она ему денежку, а он ей подарок – пластмассовое сердечко на память. Было у Коли такое обыкновение: ему в ладошку вкладывали монетки или купюры, а он тут же бежал и покупал на эти деньги сувениры и дарил их благодетелям. И вот уже влечёт Коля паломницу к белому автобусу с синей полосой: мол, вот он, езжай, матушка, с Богом!

И так помогал он многим, без раздумий вёл человека к нужному месту, и ведь никто ему не говорил: «Куда, где, кто, как?» – сам всё знал. Откуда? Странный вопрос. Спросите у Ангела Хранителя, откуда он всё знает?

Некоторым Коля снился. Одна увидела его во сне: будто идёт по торговым рядам, а какие-то мужики и говорят: «Вон Коля стоит, он тебя любит». Лицо Колякино она запомнила. Через короткое время приезжает на экскурсию в Псково-Печерский монастырь и

встречает на соборной площади того самого Колю. Вот удивления-то было! А он и впрямь, словно давно её знает, обнимает, приглашает приехать опять. Приехала. Через восемнадцать лет. А он тут же на площади. Как увидел её, сразу по имени назвал. Вот так Коля!

Позвольте, спросит некто серьёзный и знающий закон, да кто вообще этот Коля? Был ли у него документ? Была ли фамилия? регистрация? Кто позволил ему проживать в достопочтенном городке Печоры? Да Бог и позволил, и имя дал с фамилией – Николай Олимпьев! И жил он не на улице, а у достойных людей – у женщины, про которую говорили, что она такая же добрая, как и сам Коля.

Хотя если б и на улице жил, то что? Вот блаженный Прокопий Вятский не имел места, где колени приклонить. Николай Салос зимой в поле ночевал почти нагой. Преподобная Мария Египетская сорок семь лет спасалась в пустыне в полном уединении. Преподобный Симеон Столпник тридцать семь лет простоял на четырёхметровом каменном столпе. А Коля провёл жизнь у стен Псково-Печерского монастыря, даря людям радость, покоряя всех кротостью, смиренiem и любовью...

Отпевали Колю ясным июньским утром у стен Варваринской церкви. Высокое васильковое небо светилось так же, как прежде его улыбка, а круглые белые облака столпились над соборной площадью и друг через дружку заглядывались на стоящих у гроба паломников-богомольцев, словно тоже хотели отдать последнее целование своему незабвенному дружку...

А сам он в тот миг, должно быть, уж открывал двери в святой горний чертог, готовясь сказать привычные для себя слова:

– Здравствуйте, я Коля!

Добавить к сказанному нечего, поэтому закончу рассказ словами известного поэта, адресованными, как думалось ему, его современнику: «Природа-мать! когда б таких людей ты иногда не послала миру, заглохла б нива жизни»¹... Ну, а мы уж сами решим, о ком это сказано...

Игорь Изборцев

Клавдий Лебедев. «Странник»

* * *

*Как щебечут птицы –
радость, благодать...
На Страстной седмице
стало холодать.*

*Там узка дорога,
не сойти, скользя...
Я прошу у Бога
то, чего нельзя:*

*Ты взгляни на нашу
ледяную тьму,
дай полегче чашу
Сыну Своему,*

*пусть Креста не будет –
пожалей, любя...
Разве кто осудит,
Господи, Тебя?*

*Там, где всходы всходят,
семена густы,
сыновья уходят
на свои кресты...*

*Камень гробный треснет
с этих дней, минут,
Он потом воскреснет,
но сейчас распнут...*

*Нынче смерть, Мария,
жизни свет – потом...
И стоит Россия
под Твоим Крестом.*

Виктория Можая

¹ Н.А. Некрасов. Памяти Добролюбова (1864).

ПОД ТВОЮ МИЛОСТЬ ПРИБЕГАЕМ, БОГОРОДИЦЕ ДЕВО

2 апреля русский и белорусский народы на государственном уровне отмечают **День единения**. Этот праздник родился тридцать лет назад, когда в 1996 году был подписан договор об образовании Сообщества России и Белоруссии, ставший одним из символов многовековой дружбы между нашими братскими странами – странами с общими нравственными ценностями и единым историческим прошлым. В лихую годину русские и белорусы всегда помогали друг другу, плечом к плечу боролись с внешним врагом, рука об руку трудились ради процветания наших народов. Мы всегда питались от одного корня, а главной и определяющей силой единения стала Православная вера – и это скрепы высшего порядка, которые вечны: они из духовной памяти и общего восприятия миробытия.

И в России, и в Белоруссии пребывает немало православных святых образов, которые, пройдя через века трудных испытаний, во все времена поддерживали неугасимый свет истиной веры. Одна из наиболее почитаемых святынь Республики Беларусь – икона Божией Матери «Минская», что ныне находится в Свято-Духовом соборе белорусской столицы. Святой Богородичный образ покрыт серебряной ризой, на которой вычеканена ещё дореволюционная надпись, и на ней весьма кратко описывается история появления иконы в пределах восточного славянства. Чтобы глубже прочувствовать и осознать значение этого святого образа, перенесёмся на более чем тысячу лет назад.

В 988 году Великий князь киевский Владимир осадил и взял один из форпостов Византийской империи Корсунь – Херсонес Таврический, что расположен ныне на территории современного Севастополя. Приняв христианство в покорённом городе, князь среди прочих святынь увёз на Русь одну из икон Пресвятой Богородицы. В Киеве Владимир поместил её в новостроенном храме, освящённом 12 мая (25-го н.ст.) 996 года. И произошло это за тысячу лет до установления нынешнего праздника Единения России и Беларуси.

Храм святой равноапостольный князь возвёл на месте гибели от рук язычников русских первомучеников, отца и сына Феодора и Иоанна. Эту первую в древнерусском государстве каменную церковь освятили, предположительно, в честь Успения Пресвятой Богородицы. Древний Успенский храм больше известен под именем Десятинный, так как на его постройку и поддержание Владимир Святославич повелел выделить десятую часть своих доходов – десятину, сказав при этом: «Даю церкви сей святой Богородицы от имени моего и от град моих десятую часть».

Управлял Десятинной церковью Анастас Корсунянин – один из новых приближённых Владимира, и он, по мнению некоторых исследователей, сыграл

Минская икона Богоматери

решающую роль во взятии Владимиром Херсонеса. Во время осады города Анастас, служивший в одном из корсунских храмов, сумел тайно передать князю инструкцию-послание о том, каким образом следует взять город: «Перекопай и останови воду, которая идёт из колодцев, кои за тобою с востока». По легенде, получив послание, великий киевский князь перед прибывшими с ним русскими и словенскими дружинниками клятвенно пообещал, что примет святое крещение, если Херсонес падёт. Когда город сдался, данный обет Владимир выполнил, и крестил князя лично Анастас.

Этот грек вместе с Великим князем прибыл в Киев, стал исполнять должность эконома в новом Успенском храме и первое время руководил молодой Русской Церковью. Позднее Владимир перенёс в Десятинную церковь святыне мощи одной из первых русских христианок – блаженной княгини Ольги, тело которой, согласно её житию, сохранилось от тлена. Позже в этом же храме упокоилась византийская царица Анна – христианская супруга Владимира, а затем и сам он, Первозкреститель Руси.

В годы древнерусской убоицы Десятинный храм грабили дважды, а в 1240 году находники Батыевой орды, разгромив Киев, полностью разрушили церковь. По преданию, своды храма, изнемогшие от вражеских стенобитных орудий, рухнули и погребли многих киевлян, которые пытались в церкви найти пристанище и спастись от разъярённых татар. Однако икона Божией Матери, привезённая из Херсонеса, уцелела. Скорее всего, благочестивые горожане до времени укрыли святой образ, и впоследствии он долгое время находился в киевском соборе Святой Софии.

В 1500 году Киев подвергся очередному опустошительному набегу татар, на сей раз крымских. Как повествуют русские летописи, хан Менгли-Гирей, захватив город, «огранил его и выжег, взяв множество пленных». Татары разорили Великую Церковь Печерского монастыря и Софийский собор. По церковному преданию, один из «агарян» содрал с древней иконы Божией Матери богато украшенную ризу, а сам святой образ бросил в воды Днепра.

С того события минуло более трёх столетий, и вот в 1824 году наш выдающийся земляк, митрополит Киевский и Галицкий Евгений (в миру Евфимий Болховитинов) поручил расчистить фундамент разрушенной Десятинной церкви. Во время этих работ был впервые открыт план фундаментов, найдены остатки мозаик и фресок, а также предполагаемый саркофаг святой княгини Ольги, который с подобающими торжествами перенесли в Софийский собор. Заново Десятинный храм был построен в 1842 году, но в 1928 году его, как и множество других, снесли.

Что же стало с древней византийской иконой Богородицы, брошенной в 1500-м году злым татаринцем в Днепр? Через некоторое время этот святой образ Царицы Небесной чудесно появился в Минске на реке Свислочи. Об этом явлении чудотворной иконы повествует историк Игнатий Стебельский в одной из своих книг, что была напечатана в Вильно в 1781 году. Автор, в свою очередь, пользовался исчезнувшей ныне рукописью униатского иеромонаха Яна Ольшевского, который жил на рубеже XVII-XVIII веков и оставил описание чудес, некогда происшедших от иконы Божией Матери «Минская». Стебельский сообщает, что икона была писана святым апостолом и евангелистом Лукой и в течение многих столетий находилась в Византии. И уточняет, что святой образ «то ли по воде, то ли против воды, чудесным способом или через Ангелов перенесённый до Минска, на реке Свислочи под замком встал, а светом необычным с себя исходившим выданный, от обывателей места с воды добытый, и до церкви Замковой года 1500 дня 13 августа был сопровождаемый».

Приставшую к берегу икону жители выловили из речных вод и с благоговением перенесли в Нижний замок минских удельных князей, в церковь Рождества Пресвятой Богородицы, которая в XVI столетии считалась соборной. Так по Божьему Промыслу икона переместилась из Киева, где находилась в храме Успения Богородицы, в Минск – в храм Её Рождества, где сберегалась более столетия.

В начале XVII века святой образ был перенесён в минский храм Сошествия Святого Духа. Различные источники упоминают чудеса исцеления многих слепых и бесноватых от иконы Божией Матери «Минская», а также о прекращении эпидемии чумы, «которую образ не только после шествия с ним по городу остановил, но даже отовсюду и дальше изгнал».

В ту эпоху в Великом Княжестве Литовском и Русском, куда территориально входил и Минск, широкое распространение получила уния, православные храмы и монастыри насильственно отбирались у православных христиан и передавались униатам. Сильные гонения обрушились и на белорусов, однако икона Божией Матери «Минская» уцелела и в этот раз. Вплоть до присоединения Минска к Российской империи в 1793 году православные сохраняли память о начальном месте пребывания своей святыни в церкви Рождества Пресвятой Богородицы Нижнего замка.

После возвращения Свято-Духовского храма в лоно Православия он был освящён во имя святых апостолов Петра и Павла и обрёл статус кафедрального собора Минска. По окончании литургии перед святыней храма – иконой Божией Матери «Минская» – всякий раз прихожане с коленапреклонением пели тропарь «Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево», а каждую субботу перед святым образом читали акафист «Всех скорбящих Радость». В 1835 году собор пережил сильнейший пожар, но святой Богородичный образ вновь оказался цел.

В двадцатые годы XX века под предлогом помощи голодающим богоблжцами с иконы была снята риза, хотя верующие собрали за неё равный по стоимости выкуп золотом и драгоценностями. До середины тридцатых икона всё ещё находилась в соборе, пока власти при попустительстве обновленцев его не взорвали. Затем святой образ передали в краеведческий музей, но с началом Великой Отечественной верующие минчане перенести икону из музея во вновь открывшийся храм во имя Великомученицы Екатерины. Когда же в пятидесятые годы закрыли и эту церковь, икону вернули в минский кафедральный собор Сошествия Святого Духа.

Игорь Маркин

«Свято-Духов кафедральный собор в Минске»

РЕСТАВРАЦИЯ

Осень 1993 года. Алексей Степанович Чистович, художник-реставратор высшей категории, работал в Никольской церкви, что на тихой, почти глухой улице за рынком.

Церковь была холодной и пустой. Настоятель, отец Никодим, уехал в гости к сестре, сторож дядя Митя отпросился домой – скрутил радикулит. Работать в одиночестве было даже удобнее. Он поднимался по лесам к своду апсиды, где уже месяц открывал фреску XVII века – «Сошествие Святого Духа». Открывал не для Бога (Чистович был агностиком), а потому что под слоями копоти, варёного льняного масла и бездарных ретушей таился сложный, уверенный рисунок и редкий чистый пигмент – краплак. Эта работа требовала тишины и полного одиночества. И сейчас тишина в городе была особая: после вчерашних выстрелов в центре она стала густой, насторожённой, как перед грозой.

Чистович работал скальпелем. Снимал позднюю запись – грубый мазок киноvari, которым в середине XIX века какой-то богомаз попытался «освежить» одежды апостола. Под ней проступал первоначальный тон, глухой розовато-лиловый, цвет увядающего вереска. Мысли были заняты составом для укрепления левкаса.

Дверь распахнулась с таким треском, что эхо побежало под сводами. Вошли трое. Не вломились – именно вошли, быстро и целенаправленно. Двое остались у входа, один подошел ближе. Молодой, в полном «аидасе», лицо гладкое, без морщин и мыслей.

– Ты тут за старшего?

Чистович медленно спустился по лесам.

– Да.

– Нам нужно оставить кое-что. На пару дней. Место тихое.

Чистович молча смотрел на него. Потом перевёл взгляд на тех, что у двери. Один нервно курил, другой вертел в руках ключи на массивной бляхе. Сумка у его ног была не спортивная, а большая, дорогая, дорожная, из мягкой кожи. Она казалась неестественно тяжёлой.

– Нельзя, – сказал Чистович.

– Почему?

– Правила. Музейный фонд. Я материально отвечаю.

Это была правда, но не вся. Вся правда была в том, как стоял тот, что с ключами. Стоял, отклонив корпус назад, как будто хотел держаться подальше от этой сумки. И как он держал ключи – не крутил их на пальце, а нервно сжимал и разжимал в кулак, будто это было оружие.

«Мальчишка», – подумал Чистович без всякой жалости, с холодным, профессиональным наблюдением. Ему было знакомо это напряжение в плечах, этот взгляд, уставленный в пустоту чуть выше головы собеседника. Он видел это в молодых солдатах перед первой отправкой на передовую. В 1944-м под Выборгом он служил санитаром при медсанбате, ему было восемнадцать. Он помнил, как они так же стояли, куря перед погрузкой в эшелон, – не героически, а просто стараясь не трястись от страха. Разница была в том, что у тех страх был чистый, а у этих – грязный, перемешанный с алчностью и глупой бравадой.

– Какие правила? – парень в «аидасе» усмехнулся. – Сейчас другие правила. Мы тебе оставим за хранение. Хорошо оставим.

Чистович покачал головой.

– Унесите. Сейчас.

Он повернулся и снова полез на леса. Это был не жест отваги, а чистая практичность: нужно было закончить участок до того, как подсохнет укрепляющий состав. И ещё он знал, что спиной к опасности стоять неудобно, но смотреть на неё сверху – спокойнее.

Снизу послышался шепот, потом более громкая, сдавленная ругань.

– Пошли, – крикнул тот, что с ключами. – Нафиг надо. Холодина у них тут.

Они ушли так же быстро, как пришли. Сумку забрали. Дверь прикрыли. Чистович ждал, не двигаясь, пока звук их шагов не растворился в уличном шуме. Потом спустился, подошёл к двери, задвинул тяжёлый железный засов. Вернулся к работе.

Вечером, собирая инструменты, он нашёл у основания лесов окурок «Мальборо». Аккуратно раздавил его ботинком, смёл в совок.

На следующий день он пришёл раньше обычного. Город был ещё пуст. Чистович открыл храм, включил слабую лампу-переноску у лесов и начал готовить палитру. Он решил сегодня не резать, а тонировать – подбирать утраченный цвет на небольшом участке фона. Это была тонкая, почти ювелирная работа, требующая полного погружения.

Он не услышал, как открылась дверь. Увидел движение краем глаза, когда кто-то уже стоял внизу, в двух шагах. Тот самый, с ключами. Без друзей. Без сумки. Лицо было даже не бледным, а серым, как цементная пыль. Глаза красные.

Они молча смотрели друг на друга. Парень первым отвёл взгляд. Он смотрел на инструменты на столе – кисти, скальпели, баночки с пигментами.

– Что вы тут делаете? – спросил он наконец, голос хриплый, невыспавшийся.

– Работаю.

– А что... это? – он кивнул на фреску.

– Фреска. Роспись по сырой штукатурке. Этой лет триста пятьдесят, не меньше.

Парень кивнул, как будто эта информация была ему важна. Он подошёл ближе, задрал голову.

– А это кто?

– Апостолы. И языки пламени над ними. Сошествие Духа.

– А зачем?

Чистович на секунду задумался. Он мог бы процитировать Евангелие, но это было бы нечестно.

– Не знаю. Художник так видел. Заказчик, наверное, верил, что это важно. Мне важно другое – открыть, как он это сделал. Какими красками. Каким движением руки.

Парень снова кивнул. Потом сказал, глядя куда-то в пространство между Чистовичем и стеной:

– Вчера мы не сумку прятать хотели... Мы автоматы хотели спрятать. После той стрельбы. Нам сказали, что к вам никто не сунется.

Чистович ничего не ответил. Ждал.

– А вы сказали «нельзя». И мы ушли. И... – он запнулся, – и мы их выбросили. В речку. А сегодня утром моего друга, Сашку, того, что со мной был, забрали. Следователи. Кто-то сдал.

Он замолчал, ожидая реакции. Но Чистович просто стоял, держа в руке кисть №2, колонок. Потом повернулся к палитре, выбрал на кончик кисти немного умбры, смешанной с белилами, и сделал лёгкий, почти невесомый мазок на подготовленном участке штукатурки. Цвет лёг точно в границу утраты.

– Зачем вы мне это рассказываете? – спросил он, не оборачиваясь.

– Не знаю. Наверное, потому что вы здесь один. И вы вчера не испугались.

Чистович усмехнулся – сухо, беззвучно.

– Испугался. Просто я старше вас. И у меня работа. Когда есть работа, бояться некогда.

Он отодвинулся от стены, оценивая мазок. Свет падал удачно. Цвет почти сошёлся.

– А вы... на войне были?

– Был. Санитаром.

– Убивали?

– Нет. Вытаскивал раненых. Это тоже тяжело.

Парень сел на пустой ящик, опустил голову в ладони. Плечи его не тряслись – он был просто очень уставшим.

– А что теперь делать? – спросил он в ладони, глухо.

– Тебе?

– Да.

Чистович спустился и долго чистил кисть скипидаром, вытирал тряпкой.

– Ты как думаешь, почему тот художник триста лет назад тут сидел и рисовал эти языки пламени? Потому что верил? Может, и так. Но ещё и потому, что ему заплатили. Или он хотел накормить семью. Или просто потому, что умел это делать лучше всего. И вот его работа пережила его. Пережила войны, пожары, революции. Она никому ничего не доказывает. Она просто есть.

Он положил чистую кисть в футляр.

– Вот и тебе надо найти дело. Простое. Чтобы ты это умел, и чтобы от этого хоть кому-то было не хуже. И делать это каждый день. Остальное – само приложится. Или не приложится. Но хоть смотреть на себя в зеркало сможешь.

Он замолчал, дав словам осесть. Потом добавил уже совсем буднично:

– И уходи отсюда сейчас. Пока другие твои друзья не решили, что это ты сдал Сашку.

Парень поднял голову.

– Меня Андрей зовут, – сказал он, поднимаясь.

– Алексей Степанович.

Андрей кивнул, развернулся и пошёл к выходу. На пороге остановился.

– А вы... доделаете эту штуку? Фреску?

– Доделаю. Это моя работа.

Андрей вышел. Чистович подождал, пока затихнут шаги, подошёл, задвинул засов. Вернулся к лесам, снова взял кисть. Первые лучи, пробившись сквозь пыльное окно в дальнем углу храма, упали на фреску. На открытом участке пламя над головой апостола Павла, чистый краплек, смешанный с яичной эмульсией, вдруг загорелся изнутри – тёмным, глубоким, живым огнём.

Чистович продолжил работу. Он не думал о спасении душ. Он думал о том, что завтра нужно будет сделать свежую яичную эмульсию. И что тонировку на левом крыле придется переделать – цвет не совсем сошёлся. Была работа. Этого было достаточно.

Регина Климович

ВОСКРЕСЕНИЕ

Снова ветер поёт мне свою бесконечную песню,
от которой и сам он в бескрайнем пути изнемог.
Я, конечно, умру, и, конечно же, снова воскресну,
тень свою уронив на шальное скрещенье дорог.

И в повторном пути я, конечно же, снова услышу,
как в ночи созревает в саду золотистый ранет.
Как, созрев, упадёт он лениво на сонную крышу,
и припомнится вдруг то, чего даже в памяти нет.

Будет на голоса распевать мне весёлая птаха,
будет робкая ветка стыдливо в оконце стучать,
будет парусом белым вздуться ночная рубаха,
а на бледные щёки слезами стекать благодать.

И послышится мне, как деревья звенят золотые,
а невгоды с обидами станут навеки не в счёт.
А что мокро щекам, то слезами стекает Россия –
из горючей слезинки и Волга начало берёт.

И тогда, может быть,
снова ночью холодной приснится,
под шуршание ставень и скрип поржавелых завес,
что кричала в ночи о тревожном бессонная птица.
И от крика ты умер... Но снова наутро воскрес.

Анатолий Аврутин

Владимир Давыденко. «Инок и голуби»

Дорогие братья и сестры!

**Просим пожертвовать на оштукатуривание стен храма
во имя святителя Антония (Смирницкого).**

Ваши пожертвования направляйте по реквизитам, указанным ниже.

Имена жертвователей будут поминаться на проскомидии.

Протоиерей Николай Бабич

**МРО ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД ХРАМА ВО ИМЯ СВ. АНТОНИЯ (СМИРНИЦКОГО),
АРХИЕП. ВОРОНЕЖСКОГО И ЗАДОНСКОГО г. ВОРОНЕЖА**

**Реквизиты: ИНН 3665045857, КПП 366501001, р/с 40703810600510003141 в Филиале
«Центральный» Банка ВТБ (ПАО) в г. Москве. К/с 30101810145250000411, БИК 044525411**

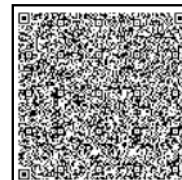
Либо на карту СБЕРБАНКА 5469 1300 1724 1736 (привязана к тел. 8-951-860-40-40)

С вопросами и предложениями можно обращаться к протоиерею Николаю Бабичу:
тел.: +7 (951) 860-40-40, ВКонтakte: vk.com/snt.antonius.

Адрес храма и редакции: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А.

E-mail: Snt-Antonius@yandex.ru.

Электронная версия «Вестника» доступна по адресу: www.snt-antonius.ru

Учредитель, издатель – Местная религиозная организация православный Приход храма во имя свт. Антония (Смирницкого), архиеп. Воронежского и Задонского г. Воронежа религиозной организации «Воронежская Епархия Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)». Адрес издателя: 394070, г. Воронеж, ул. Тепличная, 22-А

Редакционная коллегия:
протоиерей Николай Бабич, Римма Лютая
Главный редактор:
Бабич Николай Николаевич,
протоиерей. +7 (951) 860-40-40
Выпускающий редактор,
ответственный секретарь, корректор:
Римма Лютая. +7 (960) 115-69-06

Редактор отдела истории и краеведения:
Игорь Маркин
Дизайн, макет, вёрстка: Лариса Баторская
Отпечатано: АО «Воронежская областная
типография – издательство им. Е.А. Болховити-
нова» г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 73А.
Тираж: 999 экземпляров. Заказ: № 000
Дата выхода издания в свет: XXXX.2026 г.

Издаётся на средства
и трудами благотворителей.

Не используйте наше издание
в хозяйственных целях.

Цена: бесплатно.
Распространяется за пожертвование.

0+